

А.Г. ЛЫСОВ

ИМЯ РЕК: «ДАРЬЯ ПИНИГИНА».

О КОНТЕКСТЕ ИМЕНИ В «ПРОЩАНИИ С МАТЕРОЙ» В. РАСПУТИНА

Ушел из жизни талантливый и разносторонне одаренный филолог-литературовед, критик и поэт, автор двух поэтических книг "Сорокодум" и "Касиножка". Он жил в Литве, работал на кафедре русской филологии Вильнюсского университета, был членом Союза писателей Литвы. В литературоведении оставил равно глубокий след его работы и о поэзии, и о прозе – о Есенине и Ахматовой, Пастернаке и Леонове. Человек энциклопедически образованный, глубинно ориентированный и на западноевропейскую, и на национальную культуру, он устремлял свое внимание к проблемам, касающимся общих закономерностей развития искусства, самого механизма передачи эстетического опыта, словом, того, что определяет, как он говорил, поэтику «связи времен».

Интерес к эстетическим взаимосвязям обусловил его исключительную привязанность к тем поэтам и писателям, в творчестве которых отчетливо проступала «культурологическая пластика», а человек предстал не как продукт житейских обстоятельств, а в измерении бытия.

Особое место в литературоведческом опыте А.Г. Лысова оправданно и закономерно заняло исследование творчества Л.М. Леонова – от самых ранних его произведений до «Пирамиды». Они были лично знакомы, в своих интервью писатель доверил исследователю самые сокровенные мысли об искусстве, специфике своего творчества, его ориентированности на неисчерпаемую глубину мифа, архетипа, натурфилософии.

Д.ф.н., проф. Л.П. Якимова

Повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой», оставаясь и по сей день *Главной книгой* писателя, представляет собой и житие, и высокий гимн старухе Дарье. Человек чистой души, точных и верных моральных убеждений, Дарья являет собой классический образ подвижника и правдоискателя, известный в древнерусской литературе (как и Богодул, персонажирующий образ юродивой Руси). Все в повести согрето, освящено и просветлено ее любовью, добродеем и высоким нравственным достоинством, душевной строгостью и справедливостью. Она общается с Матерой как с живым существом, советуется о постигшей беде с «родовой», покоящейся на кладбище, вступает в ристание с «мужиками-медведями», зорящими родные могилки, украшает свой дом перед сожжением, как усопшего... и она же жертвенно остается на острове с привеченными ею людьми в ночь перед самым его затоплением.

Но в этом и трагико-просветленное решение библейского сюжета о вселенском потопе в сращении его с легендой о граде Китеже. И в подобной своеобразной контаминации национального и библейского сюжетов, и во вражде сочетанной образности, ведущей к финальному просветлению, заключены основные решения, надолго определившие само мировоззрение Распутина. Дарья и при жизни уже принадлежит «миру и граду невидимому». Она и сама об этом помышляет в своих пограничных, между живыми и мертвыми, между землей и небом, между берегами быта и бытия раздумьях. Подобным финалом Распутин сказал очень многое: и, прежде всего то, что и Дарья, и Матера могут быть спасены только вместе. Таков нравственный закон экологического повествования.

Очеловечиваемая и одушевленная природа и человек в ней повиты единой судьбой. Здесь предпочтений быть не может. Тщетны усилия сына отыскать в тумане и мать свою, и Матеру, – таков, надо думать, исход «туманного» финала повести о «затоне» русской Атлантиды. Еще раньше сын ее Павел Пинигин наблюдал за матерью, и «все больше убеждался, что, рассуждая о переезде, себя она нигде, кроме Матеры, не видит и не представляет, и боялся того дня, когда придется все-таки ее с Матеры увозить»¹.

Поэтому и Матеру автор определяет как «новый», а не Ноев ковчег, в «котором собрано в этот раз для спасения уже не тварное, а засеянное Творцом незримыми плодами и что должна же быть где-то гора Арарат, выступающая над подобным разливом. И мы все высматриваем ее и высматриваем в низких горизонтах. Где-то этот берег должен быть, иначе чего ради нам поручены столь бесценные сокровища?»².

Отсюда и предмет нашего размышления – то единство природо-человеческих смысловых энергий, которые заключены в значении имени *Дарьи Пинигиной*, как обобщающего «душевного» характера и целостного образа, возведенного в пластическом впечатлении до символических высот. Словом, «*pomen est omen*» – в имени все!

Начать раздумье уместно бы с фамилии главной героини повествования. Самое инте-

¹ *Распутин В.Г.* Прощание с Матерой // *Распутин В.Г.* Повести. – М., 1976. С. 81. В дальнейшем «Прощание с Матерой» цитируется по данному изданию, с проставлением номеров страниц непосредственно после цитат.

² *Распутин В.Г.* В поисках берега // *Повесть, статьи, выступления, эссе.* – Иркутск, 2007. С. 214.

ресное, что сама старуха Дарья в повести никогда Пинигиной не называется, хотя это фамильно-именное сочетание уже стало привычным для исследователей. Фамилию ее мы автоматически переносим на образ подвижницы с нарицания ее сына – Павла Пинигина («Павел Пинигин, Дарьин сын, предлагал деду Егору на буксире домчать его...» [63]), или с определения, положим, их покосных угодий – «пинигинский покос»³, «луг», а также с целостного именованья семьи: «Пинигины управились со своей картошкой в три дня»⁴. То есть уже в этом – фамилия исходит от человека, его рода и прихватывает собой природное пространство Матеры, растворяется в нем.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что сама фамилия далеко не чужда Распутину, она – *земляческая, с малой родины* писателя, и должна бы была принадлежать персонажу из другой повести «Живи и помни» – Андрею Гуськову. Реальный прототип этого трагического *дезертира* – Павел Федорович Пинигин – тайно проживал несколько лет после побега с фронта в своей избе, в родной Аталанке, удивляя односельчан покражами из домов и подвалов, после войны отсидел положенный срок в сталинских лагерях и, по возвращении из них, провел оставшуюся свою жизнь в Усть-Уде до середины 1980-х годов. Жена его (жизненный предтип Настены) также осталась живой. Избежав самоубийственного исхода, она рано умерла, прожив невероятно трудные полувдовствующие годы, родила от тайного беглеца, мужа своего, – дочку, которая и по сей день живет близ Ангары, в Иркутске⁵.

Почему Распутин «*попридержал*» фамилию «Пинигины» именно для «Матеры...», – это предмет особого раздумья. Подобное передоверие имени заставляет нас пересмотреть не только концепцию отщепенства Андрея Гуськова (ведь войну до границ отечества он прошел самоотверженно⁶ и покинул поле битвы лишь в начале заграничного похода), но и критерий «дезертирства» самой Дарьи – в гибель и самопожертвование – от *общего дела* переселения людей с коренных и исконных обжитых земель, во имя сомнительных свершений безоглядной цивилизации, побега ее в праведную смерть от утоления главных целей официального мифа об онтологической власти человека над природой. Ведь современная распутинская родина Аталанка, сорванная с родных

мест живет без обещанного дешевого электричества, свет в ней включается на несколько часов от дизельного электрогенератора; из искусственного моря, по выражению Распутина, «воды уже не испить»; прекратил свое существование и заманный – перед затоплением – леспромхоз, закрытый по иронии судьбы, едва ли не пророчески угаданным (в повести) однофамильцем советского поборника переселения Матеры – Воронцова – новым частным хозяином лесопункта А.С. Воронковым (в реальности⁷).

Вообще, Пинигины, по номенологическому словарю, фамилия «речная». И пришла она, как и фамилия Распутина, по признанию писателя, с русского Севера, из Архангельска и вологодчины⁸, от древнего «душеистечения», а не от легендарного Распуты, основателя Братского острога, и не от тобольских Распутиных, давших России *рокового царствующего мужика* – Григория Распутина. Пинигины являют собой орфографически искаженный вариант *Пинегинных*, то есть обитателей берегов притока Северной Двины – реки Пинеги в Архангельском крае. И даже если и предположить, что происхождение фамилии этой связано с малым притоком Ангары, ручьем Пинига⁹, оставшемся под новым Братским морем, в ложе затопления, это не меняет сути дела. Дарья в семантике своей фамилии остается человеческим притоком к великим рекам, будь это большой ручей или полноводная речка, а то и скрытно прибывающая вода, накрытая водой, – подводный родничок. Дарья не одинока в атрибутировании названия реки человеку. В Матере, например, проживает молчаливая Тунгуска, и имя ее является полным этимологическим синонимом Ангары (См.: Верхняя Тунгуска – прежнее название Ангары в нижнем течении.)

Однако связь старухи Дарьи с Пинегой важна Распутину по многим причинам. Во-первых, за 2 года до выхода «Матеры...» *правый берег* Пинеги ввиду уникальной природы и с целью охраны карстовых пещер и редкого по красоте ландшафта в Архангельской области был объявлен государственным заповедником¹⁰. В повести Дарья в споре с внуком Андреем говорит о неповторимом облике обжитой своей земли и предлагает: «Возьмите и срежьте Матеру» «и отведите, где земля стоит, поставьте рядышком. Господь, когда землю спускал,

³ *Распутин В.Г.* В поисках берега // Повесть, статьи, выступления, эссе. – Иркутск, 2007. С. 124, 132.

⁴ Там же. С. 149.

⁵ Данные приведены по газетной статье: *Алексеева И.* Иркутск – Аталанка: билет в минувшее столетие // «Копейка», от 17 июля 2007. Электрон. адрес: <http://www.pressa.irk.ru/kopeika/2007/28/005001.html>.

⁶ Ведь в его имени-фамилии заключена ассоциация с Андреем Сивцовым – героем поэмы Твардовского «Дом у дороги».

⁷ *Алексеева И.* Иркутск – Аталанка: билет в минувшее столетие // «Копейка», от 17 июля 2007. Электрон. адрес: <http://www.pressa.irk.ru/kopeika/2007/28/005001.html>.

⁸ Беседа Владимира Бондаренко с выдающимся русским писателем – Валентином Распутиным // Электр. адрес: <http://www.filgrad.ru/texts/rasputin11.htm>.

⁹ Земляки: Очерки по истории района / Авт.-сост. Л.В. Андреева. – Братск, 2006. / Глава: «Это наших быют». Электр. адрес: <http://vihbiblioteka.narod.ru/nashi.html>.

¹⁰ Заповедник Пинежский // Электрон. адрес: http://www.nordspeleo.ru/zapovednik/st_zap/pinzap.htm.

он ни одной сажени никому лишной не дал. <...> Вам согдится и внукам вашим послужит»¹¹. В свете предстоящего затопления это мечтание о заповедной земле становится едва ли не утопическим, сродни «заповеднику революции» Пашинцева в «Чевенгуре» Платонова или сопоставимо с «личной просьбой» Сталину Никиты Моргунок сделать его «Муравью», себя и все свое мечтание назидательным заповедником в этой «суетории» сплошной коллективизации:

Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня и хуторок
Покамест что... оставить.

И объявить: мол, так и так, —
Чтоб зря не обижали, —
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...¹²

Во-вторых, Пинигина-Пинегина отсылает нас к знаменитому суждению В.Г. Белинского, впервые оценившего топо-номенологическое родство «речных» фамилий главных «лишних людей» русской литературы. «Печорин» – «это Онегин нашего времени», «несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегию и Печорою»¹³. Но в подобной параллели ведь и река Пинега находится в том же северном ареале, что Печора и Онега, близка и пространственно, и в рифменном сочетании. И изобилие пещер на берегах Пинеге кажет на антропоним «Печорин». Равно как и негибкая Дарья оказывается в своей жертвенной при-чуде лишней в своем времени, вместе с «лишней» Матерой. Мотив лишности (*лишний дождь, лишняя земля, лишняя Матера*), ненужности, оставленности, – один из главных в распутинской повести. То есть, образ Дарьи Пинигиной и становится одной из основных вех на пути от «лишнего человека к лишнему миру», как это квалифицировалось исследователем маршрутов «нового сознания в литературе»¹⁴. Все это и возможно, и верно с известной долей допуска, если вторить тому же Белинскому, утверждавшему, что «**в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, хотя, может быть, и невидимая самим поэтом...**»¹⁵.

¹¹ Распутин В.Г. В поисках берега // Повесть, статьи, выступления, эссе. – Иркутск, 2007. С. 121.

¹² Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М., 1976. С. 254.

¹³ Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. – СПб., 1840. Ч. 1–2 // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. III. – М., 1978. С. 146.

¹⁴ Эштейн М. После будущего. О новом сознании в литературе // Знамя. 1991. № 1.

¹⁵ Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. – СПб., 1840. Ч. 1–2 // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. III. – М., 1978. С. 146.

Третья грань, выражающая значение фамилии Дарьи, сопряженной с рекой Пинега заключена в неповторимой красоте этого притока Северной Двины. «Волшебной панорамой» называет путь по этой реке летописец путешествия с Иоанном Кронштадтским¹⁶. «Пинега поражает разнообразием своих берегов: местами вы видите копию берегов Валаамских островов: отвесные, спускающиеся в воду скалы, из расщелин которых поднимаются вековые сосны; местами берега напоминают отроги Карпат на реке Тетерев в Житомире; попадаются и характерные кавказские уголки с пропастями и обрывами <...> в Дагестане. В одном месте, у Красногорского монастыря, я увидел точную копию Киева, в таком виде, как вы видите его, когда подъезжаете с юга по Днепру...» [Там же]. В этом описании Пинеге как бы предвосхищается обобщающий образ Волги, воспетой Твардовским в поэме «За далью – даль», в которую «смотрелось пол-России», и которая в своем течении собирала многообразную живую красоту «семи тысяч рек»: «И в том родстве переплетенном, / Одной причастные семье, / Как будто древом разветвленным / Расположились на земле. // Пусть воды их в ее течение / Неразличимы, как одна. / Краев несчетных отражение / Уносит волжская волна» [«За далью – даль»¹⁷]. Поэтому и у Распутина тайное поминовение Пинеге, кодированное в фамилии героини, споспешествует созданию в Матере расширяющегося соборного образа России, материка, и далее – всей Земли («как будет?! Не спечется ли, глядя на Матеру, вся остальная земля?» [115]).

К географическому расположению Пинеге можно добавить и мысль о близости к ней русских рек, воспетых Николаем Рубцовым: Катунь, Сухони. Автор данных строк пытался в одной из статей¹⁸ доказать, что сюжет о потопе и затоплении земель был поэтически воплощен еще в *доматеринский* период именно Рубцовым. Это и в элегии «На реке Сухоне», где возникают каким-то отмыслом проливные дожди; и здесь же явлен образ парома, интерпретируемого аллюзией из Библии, как спасительного ковчега:

Между тем не шадят
Эту добрую местность,
Словно чья-нибудь месть, проливные дожди.

¹⁶ Животовский С. На Север с отцом Иоанном Кронштадтским // Электрон. адрес: <http://ornin.narod.ru/samovid/nasever.htm>.

¹⁷ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. – М., 1976. С. 224.

¹⁸ Лысов А.Г. «Море на запоре». «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина в контексте произведений о втором «всемирном потопе» в русской литературе XX века // Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы II–III Международных научных конференций. – Даугавпилс, 2008. С. 270–294.

Но на той стороне
под всемирным потопом
Притащилась на берег –
Видно, надо – старушка с горбом,
Но опять мужики на подводе примчались галопом
И с телегой, с конями
Взгромоздились опять на паром¹⁹.

Это и в стихах «Седьмые сутки дождь не умолкает...», где на затопленных кладбищах ворочаются, как крокодилы, «ужасные гробы»²⁰. Более того, в этом стихотворении буквально прорисованы страшные картины, которые *очнутя* потом в «Прощании с Матерой», в сценах на кладбище, в слухах и прорицаниях, во всей общей думе о дальнейшей судьбе мертвых и упокоенных. Такие совпадения не бывают уже случайными, тем более что образ «ужасных обломков» будет вызван Рубцовым к лирическому бытию в стихах с жутким образом выплывающего в паводке собственного гроба. Это пророческие стихи о своей смерти: «Я умру в крещенские морозы...»²¹.

Но если извлечь распутинский антропоним «Дарья Пинигина» из топонимического ряда, представить его чисто номенологически, то само по себе это сочетание нарицаний, определяющих духовный ореол героини повести, приведет нас к весьма впечатляющим результатам. Причем новое смысловое наполнение его все чаще будет прибавляться к берегам поэзии Александра Твардовского. В генеалогии «Пинигиной» есть и другая версия ее содержательного истока. Фамилия эта может быть обязана своим происхождением также и слову «пинига», или «пинюгай», что означает человека, часто моргающего, шурящегося²². (По В. Далю, «*пинюгать*, – дремать, моргая», – «*пинюгай*», *вят.*, подслеповатый человек, шура, пришура»²³, или мерцать, как свеча). В «Прощании с Матерой» мерцает в лучах солнца Ангара, шуруются мужик-медведь [27], разоряющий кладбище, а также уехавшая в поселок Соня [154], «пожогщики»-порубщики царского лиственя [162]. А мать Дарьи, пророчески боящаяся воды (оправдавшийся в затоплении «мамкин страх»), «жмурится» [42] при любом взгляде на Ангару, «жмурится» также в «сером мессиве тумана» Павел Пинигин, разыскивающий родной остров. Достаточно вспомнить это, чтобы удостовериться, что именно такое значение фамилии «Пинигина» проявляет себя в ре-

шающих сюжетных ветвлениях и в подтекстовом обнаружении («подводном течении») конституирует всю историю затопления Матеры.

Но и именно эта ее семантика, вкупе с именем «победительницы» роднит Дарью с Никитой Моргунком, главным героем «Страны Муравии» Твардовского. Напомним, что в своих поэматических «уроках царям» Твардовский дважды использует имена с семантикой победителя, – это Никита, что означает также «победитель», одолевающий в «Муравии» своим чудачеством²⁴ и правдоисканием «коммунио-колхозию». И это «тетка Дарья», старушка со смоленской земли, приходящая в поэме «За далью даль», в главе о «тризне грозного отца», предьявить последний «народный счет» умирающему деспоту, персонаж, представленный в странном двоении со старушкой-смертью.

Подобное полное, хотя и тайное сходство распутинских антропонимов с именованиями героев у Твардовского не может быть случайным. Тем более что родство их обнаруживается в произведениях с едиными сюжетами о потопах. Ранний Твардовский, как певец «переправ-перевозов», несмотря на свое личное неприятие жизни «островитян» в «Сельской хронике», тем не менее, *подарил* Распутину свою сказку-идиллию из утопической поэмы «Страна Муравия» (гл. 6). Эта сказка о старике со старухой, кто при общем всероссийском разливе «морей и рек», в годы повальной коллективизации, предпочли оставаться на месте, не покидать укорененного уклада, а стихийная полая вода подняла избышку и перенесла их вместе с утварью к новой жизни в «коммунио-колхозию».

А островная жизнь в поэме – это либо Соловецкие острова, куда вывозят людей с достатком («– Их не били, не вязали, / Не пытали пытками, / Их везли, везли возами / С детьми и пожитками»²⁵). Либо это деревня «Острова», где живут не принявшие «колхозии» бедняки, якобы индивидуальные собственники – «индусы» (пародийный вариант утопий хождения в Индию). У Распутина решение этой темы двояко – здесь и те, кто налегке поддался уговорам на блага поселков городского типа и покинул обжитое родное обиталище. И другое, – лубочный сюжет *советской* сказки, «утопии в утопии», откликнувшейся и давшей народную оценку коллизии вселенского потопа из «Мистерии-Буфф» Маяковского, теряет свою легковесность, едва встречается с жертвенным решением распутинских островитян, усмешливо именующих себя «коммунией» («Лежала бы

¹⁹ Рубцов Н.М. Стихотворения (1953–1971). – М., 1977. С. 119.

²⁰ Там же. С. 85.

²¹ Там же. С. 230.

²² Тайна твоей фамилии / статья «Печорин» // Электр. адрес: <http://spletnichae.net.ru/family/p.html>. При этом в статье уточняется, что, например, в «Тюменской области есть деревни Пинигино, а также Пиньгино, где эту фамилию носит буквально каждый второй».

²³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / статья по слову «Пинюгать». – М., 1956. Т. 3. С. 111.

²⁴ В рабочих тетрадях 1965-го года Твардовский *похвалит* себя за то, что создал неповторимый характер чудака, над которым посмеялись и простили, но в кого он сумел вложить непресекаемую идею народного правдоискательства.

²⁵ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М., 1976. С. 233.

тут у нас ишо Настасья – от и коммуна, нико-го боле не надо» [145]), – ни за что Матеру не покидать!..

Такие антропонимические коды, которые на глубине смысла ведут к фамильно-именному тождеству героев, открывают очень многое и в самом произведении и в его предтекстовом шлейфе. И соответственно дают нам санкцию на установление полноты традиции, где оба автора последовательно и взаимовосполняюще *кажут* на друг друга, участвуют в обоюдном отражении своего образно-символического думанья о судьбе русской деревни.

Действительно, общего в этих произведениях так много, что один перечень составляющих, что участвуют в этой творческой переключке, занял бы не одну страницу. Это паром, с которого сходит в начале поэмы Твардовского Никита Моргунок и подменный паром-ковчег в «Прощании с Матерой». Можно сказать, что близки сочтенные пары персонажей, структурирующие сюжет – Моргунок и «богомол», Дарья и Богодул, остающиеся в финале на трагическом распутье. Это оседлые цыгане «Муравии...» и вообще цыганское в Матере, Жук с «цыганистым лицом», байка о цыгане с коровой, построившем якобы в поселке «сарайку», восходящее над Матерой кочевое «цыганское солнце».

Это власть безликих людей, затопляющих родимые, овеванные легендами, обжитые и возделанные народным трудом, песенные земли. Это некие нивелированные колхозные Фроловы в «Муравии», творящие колхозный «земли переворот»; Воронцов, Жук и неисчислимые уполномоченные («вполовину намоченные», по едкому замечанию Л. Леонова), «арифметические люди», порубщики «царского листвена», мужики-разорители кладбища с «сам-аспид-станции» в «Прощании с Матерой» (чего здесь стОит один спор о «лице»: «Товарищ Жук – лицо официальное. – А ежели он лицо, пушай ответит народу» [29]). К слову, разорители здесь именуется «медведями». Да и как придать им человеческий облик, «не размедведить», не назвать «аспидами», если рапорты от действительных «лиц» с «горячих точек» затопления – в реальности – звучали поистине сатанински: «Областная межведомственная комиссия по обеспечению готовности первой очереди затопления, <...> Братского района, <...> констатировала, что “НЕ ОБРАБОТАНЫ КЛАДБИЩА И СКОТОМОГИЛЬНИКИ”»²⁶. Тут уж действительно, по-твардовски: «не прибавить, не убавить»...

Обращаясь к опыту «Муравии», Распутин дополнительно привязывал свою «обетную землю» Матеру ко всему ряду утопических и сказочных земель: Беловодья, стороны Опонь-

ской, Буян-острова, взлелеянных крестьянскими переселенцами хождений в Индию. И этим самым автор «Матеры...» сохранял и «твардовский» принцип в воссоздании утопии при полном разрушении устоев крестьянского бытия новой властью: «ищите в том, что ищите», или: «взыскуете от того, где надо искать». Надо, видимо, здесь учитывать и предшествовавшие «Муравии» тонко-идеальные картины «Сельской хроники», всю, по Распутину, «душетканную работу» народного единства, соборного образа МИРА. Недаром имя пропавшего без вести мужа Дарьи Пинигиной предстает в семантике мира – Мирон, МИР-ОН.

Отсюда так важен в обоих произведениях, как пассеистических утопиях, образ травы – символа братства и единения. В «Муравии» это дано и в сквозной символике («В саду мята не примята / Да не подкошена трава»²⁷; «Как с юга к северу трава / В кипучий срок весны»²⁸), и представлено самим названием поэмы, по определению²⁹. В «Матере...», по звукописи перекликающейся с Муравией, это трава, постоянно упоминающаяся и участвующая во всем, проникающая ароматами, дыханьем блаженного лета, удушьем пожаров, влагой туманов и дождей, всей атмосферой сказочного и пока еще реального острова, настилаемая Дарьей на пол в избе перед сожжением, словом, впитывающая и отдающая запахи, весь дух единой и многообразной жизни острова, чтобы полечь жертвенным сеном под последние песни в последнем, напрасном, мирном покосе.

Распутин в статье «Шлемоносцы» восхищается родственной Матере сценой покоса в «Усвятских шлемоносцах» Е. Носова. «Сорванные известием о ней (*войне*) с самой радостной полевой страды – с сенокоса, они доживают, точно дожинают, чтобы уложить в суслоны перед молотьбой, последние сырые денечки среди всего родного, с чем предстоит расстаться»³⁰. Но самой символической картиной *напрасного покоса* оба автора обязаны-таки второй главе из «Дома у дороги» Твардовского, его знаменитому рефрену «Коси, коса, пока роса...», самому целостному образу последнего дня мира перед военной жатвой смерти в его поэме-реквиеме.

Сближает «Муравию...» и «Матеру...» возвращение к прямому смыслу категории «утопия», как к «месту, которого нет». И в поэме, и в повести, как бы сызнава повторяются

²⁷ Там же. С. 300.

²⁸ Там же. С. 252.

²⁹ «Травное» название («трава-мурава») поэмы «Страна Муравия», как это было пояснено Твардовским в заметке для читателей («О стране Муравии»), связано с идеалами сообщенной, сплоченной жизни народа [Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.].

³⁰ Распутин В.Г. В поисках берега // Повесть, статьи, выступления, эссе. – Иркутск, 2007. С. 151.

²⁶ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Глава «Затопление».

слова Луки из пьесы «На дне» Горького (что также символично в ситуации потопа): о том, что «праведных земель нет». Так «богомол» увещевает Никиту Моргунка, что «Страны Муравской нету, мол. / Как это? / просто так. / Была Муравская страна, / И нету таковой. / Пропала, заросла она / Травую-муравой»³¹. А Павел Пинигин размышляет о том, что после затопления: «Вот и не стало Матеры-деревни, а скоро не станет и острова. Еще можно будет, наверно, нынче же сплавать, покружить, гадая, тут или не тут стояла она... <...> определить место Матеры, пристально» вглядываясь «в темную замершую массу воды – не подается ли оттуда, из сонной глубины, какой знак, не блеснет ли где огонек. Нет, ни знака, ни огонька», не найти, где же «она, христовенькая, стояла, обетовала, куда она залегла...» [182]. И есть в думе писателя о матере – значения и обитания, и обета, и обетования.

Нельзя не упомянуть, что в поэме «За далью – даль», где полностью воспроизведены те же ангарские события, связанные с затоплением (перекрытие порога Падуна), что и в «Матере...», образ «матери-отчизны», «матери-кормилицы» здесь приобретет глобальные очертания, и по-новому окликнет грядущую Матеру дополнительным определением «материка».

В свете всего названного, стоило бы еще раз задуматься об имени главной героини в «Прощании с Матерой», о Дарье? Она едва ли не совпадает во всех определяющих координатах со смоленской «теткой Дарьей», последней посетительницей Сталина, воплощающей совесть и правду народную, в поэме «За далью – даль»? Той, кто в последний час деспота, как уже говорилось, предьявляет ему – всей своей испытательной судьбой народный счет? Недаром ведь ей дано такое предпослание:

И если кто какой деталью
Смущен? Так правде не во вред,
Давайте спросим тетку Дарью –
Всего ценней ее ответ...³²

А вслед этим строкам упоминаются реки – Днепр (река «малой родины» Твардовского) и Ангара, в едином сочетании, что могло послужить для Распутина особым знаком в установлении преемственной связи, стать для него тайной внутрилитературной ссылкой: «Но молвить к слову: на Днепре ли, / На Ангаре ль – в любых местах <...>»³³.

Дарья Пинигина в повести Распутина судьбой своей буквально идентифицирована с героиней поэмы Твардовского, многократно зовется она и «теткой Дарьей». А в финале произведения, во время поисков ее среди тумана и прибывающей воды, Петруха зовет забытую на острове старуху: «**Ма-а-ть! Тётка Дарья-а-а-а!**...» ([193] *выдел. нами – А.Л.*), что в фонетике эха должно, надо полагать, озвучиваться как «**Ма-тё-р-а-а-а**», и, соответственно, говорить нам о нерасторжимости самоотверженной героини с ее родимой, «обетной», уходящей под воду землей. Тайный код распутинско-твардовских подтекстовых связей прочитывается на номенологическом уровне, и на этом срезе открывается глубинное родство «Матеры...» с утопией «Страна Муравия» вкупе со второй утопической поэмой «За далью даль». Так оба автора, утверждая правоту и непререкаемость народного духа, силу его нравственных устоев, незыблемость его чаяний и мечтаний, назвали своих народных правдоискателей именами в синонимическом значении – «победитель».

Известно, как заботился Твардовский о главе «Так это было» с живым свидетельством времен его смоленской «тетки Дарьи», обращался с письмом к Н.С. Хрущеву (4 февраля 1960 г.), называя эту главу «ключевой, решающей»: «Если бы все, в чем нуждается душа человека, можно было бы сказать в докладах и решениях, не было бы необходимости искусства, поэзии. <...> вопрос о так называемом культе личности <...> оставляет еще возможность и даже необходимость какого-то слова, недвусмысленного, искреннего и нелукавого до конца, – слова, которое <...> отринуло бы все недомолвки, умолчания и т.п., которые есть в этом вопросе и составляют некий осадок»³⁴.

Известно и то, что с величественной своей героини, ставшей «трагической жертвой», поправшей смертью смерть в «Прощании с Матерой», начинается и главное в мировоззрении Валентина Распутина – его «жертвенный реализм». В Дарье Пинигиной, в природнении ее имени к родимой земле, в самом исходе ее судьбы, и был воплощен писателем высокий жребий России, «тяжелый опыт жертвенного служения, опыт... (здесь Распутин цитирует слова И. Ильина. – А.Л.) “незримо возрождаться в зримом умирании...”»³⁵.

³¹ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – М., 1976. С. 313.

³² Там же. Т. 3. С. 314.

³³ Там же.

³⁴ Знамя. 1989. № 9. С. 173.

³⁵ Распутин В. Шлемоносцы. Выступление на IX Всемирном Русском Народном Соборе [Распутин В.Г. В поисках берега // Повесть, статьи, выступления, эссе. – Иркутск, 2007. С. 248-249].